

NON - FICTION

Независимый жур. - 2003. - 15 мая. - 47.

Грибоедов в тени

Что показало вскрытие эпохи

Алексей Филиппов

Екатерина Цимбаева. Грибоедов.
- М.: Молодая гвардия, 2003, 545 с. (ЖЗЛ)

«Дурачества и дипломатические переговоры казались ему равно важными; он просто был молод: все занимало его, ничто не занимало его безраздельно». Представим, что такая аттестация, несмотря на некоторую свою архаичность, дана кому-то из наших интеллигентных современников. Пожалуй, первое впечатление от фразы таково: великодушная мать-заступница выгораживает перед подругами великозростного сына-шалопа. Возможно, он не вылезает из «всех тяжких», однако в свободное от досуга время пытается заработать себе «на булавки» курьерской бегом где-нибудь в лабиринтах коридоров отечественного МИДа, «пристроенный» туда заботливой родственной рукой. Большинство матерей свойственно отыскивать в своих детях несуществующие добродетели, а чужим приписывать жестокие пороки - такова природа материнской безоглядной любви, и ничего с этим не поделаешь. Однако в процитированном выше отрывке Екатерина Цимбаева высказалась так по поводу Александра Сергеевича Грибоедова, не больше и не меньше.

Написанная ею биография прославленного российского комедиографа и дипломата называется просто: «Грибоедов». Однако замысел биографа, в противовес названию книги, претенциозен. Екатерина Цимбаева пошла по пути «вживания» в описываемую эпоху. И при этом зашла настолько далеко, что представила читателю в великом обилии не только «приметы быта» постекатерининских Москвы, Петербурга, Тифлиса, помещичьих уютных родовых усадеб, но и прозрела собственные, Александра Сергеевича Грибоедова, интимнейшие размышления, в том числе и творческие его замыслы. В предисловии к книге по этому поводу замечено: «Весьма часто в текст встроены подлинники выражения и целые куски, заимствованные из мемуаров и дневников эпохи, без указания источника; по ним автор выверяет достоверность своего стиля». Видимо, вполне выверив его, Екатерина Цимбаева сплошь да рядом пишет не только о том, что сказал Грибоедов, но и о том, что он подумал и решил.

Но если еще можно поверить в определенную достоверность творческих размышлений и терзаний Грибоедова в Лакотцах - имени Степана Бетичева неподалеку от Тулы, - где и впрямь родились, были записаны и впервые прочитаны вслух многие сцены «Горя от ума», то статья Грибоедовым в последние минуты его жизни, когда толпа мусульманских фанатиков громила российское посольство в Тегеране, Екатерине Цимбаевой явно не удалось. В ее представлении, чрезвычайный посол России в Персии, уже не сомневаясь, что это его будущие убийцы срывают ворота посольства с петель и разбирают крышу посольства, все же сперва аналитически размышляет, кто виновен в происходящем: «Англичане? Их не было в Тегеране... Аллаяр-хан? Но разгром русского посольства не смутит позора Туркманчайского мира - уж хоть извинений и наказаний за гибель посла император, несомненно, потребует, и Персия не смеет, в том отказать - у нее

тоже нет сил на новую войну». Потом трагедийно восклицает, мыслями обращаясь к своей молодой жене Нине Чавчавадзе: «Ах, Нина, Нина! Ее ждет страшное известие. Сумеет ли она родить ребенка? Останется ли сын, или закончился род!»

И наконец из-под пера биографа выходит пассаж, достойный героических «пиратских» новелл Сабатини: «Удары и топот ног над головой усиливались. Грибоедов скрестил руки. Он переживал не за себя, за других. Посол не вправе оставить посольство, как не вправе оставить пост у знамени... Пора было браться за оружие. Крыша скоро окажется пробита, и лучше умереть в бою, чем быть перебитыми в мышеловке!» И это намерения Грибоедова, того самого, который, по уверениям самого биографа, отказался стреляться с Шаховским и перед каждой из

тон и заметить, что книга Екатерины Цимбаевой дурна не в принципе (видно, что автор действительно выполнил - и выполнил с любовью - огромную работу по воссозданию картины жизни «грибоедовской» России, ее кулинарной, театральной, амурной, военно-политической и иных составляющих), но лишь тем, что материал подобран и отсортирован в ней не слишком удачно.

Екатерина Цимбаева взялась не столько изучать, сколько анатомировать избранную ею эпоху, как анатомируют какого-нибудь дождевого червя со многими сердцами. И поскольку сердец много, то каждое из них требует особого внимания, а целостно воспринимать организм становится сложно, практически невозможно.

Картины быта столь детализированы и подробны - особен-

Автор не столько изучает, сколько анатомирует эпоху, как анатомируют какого-нибудь дождевого червя

трех своих дуэлей даже в ущерб самолюбию и истине пытался примириться с противниками!

Поместив в предисловии нелестный отзыв об известном романе Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», Екатерина Цимбаева сама могла бы претен-

но в первой половине книги, - что сам «предмет» авторского интереса попросту теряется среди описаний балов, застолий, ярких личностей, интерьеров и мод века. Одним словом, пять сотен прозаических страниц, которые читатель, чтоб ни-

дет сперва молодой болезненный театральный студент, стесняющийся появляться в светском обществе по причине того, что совсем беспомощен без очков, а в очках молодежи появляться перед старшими не вполне прилично. Затем отчаянный повеса и кутила, записавшийся «бить Наполеона» в гусарский полк Петра Ивановича Салтыкова и поучаствовавший за всю войну в единственной схватке: с жандармами города Покрова, отбивавшими натиск малолетних гусар на городские винные погреба; потом придет черед дипломатической службе, знакомству и дружбе с легендарным Ермоловым. Наконец, удачная попытка вызволить, используя в качестве оружия одно лишь красноречие, две сотни русских солдат из персидского плена; а еще - сочувствие к декабристам и заключение под стражу после провала восстания, и триумф Туркманчайского мирного договора, и нежность, с годами лишь усиливающаяся, к сестре Марии - единственному понимающему человеку на земле.

Все это есть в книге Екатерины Цимбаевой, но скрыто под непроглядными покровами многословия. Там же, в повествовании о том, как создавалось «Горе от ума», проблескивают элементы «занимательного гореведения». Например, игра Софьи Фамусовой на флейте - это своеобразный вызов общественной морали - так же, кстати, как игра мужчины на арфе, которой Грибоедов - еще в юности - не преминул обучиться. И,

Александр Сергеевич оказался куда как лаконичнее своих биографов.

Акварель В.Мошкова

довать на писательские лавры и создать полноценное художественное произведение, посвященное тому же, скажем, Грибоедову. Нисколько не усомнюсь в ее умении передать «дух эпохи» - желательно, правда, чтобы не в ущерб «букве» современного русского литературного языка. Согласитесь, несколько странно проявлять искренний интерес к судьбе великого русского литератора и - одновременно - поворачивать себе высказывания вроде: «Воспитание Грибоедова закончилось к пятнадцати годам, но умственное развитие продолжалось» или «В 1816 году, в театре, кто-то неожиданно хлопнул Грибоедова по плечу».

Здесь, пожалуй, настало время перейти на более серьезный

что и никого «не пропустить», должен штудировать с карандашом в руке, автор посвятила всему тому, что ее «протеже» изложил на пяти десятках страниц искрометной, афористичной, поэтической речью.

Собственно, из всего того богатого фактографического материала, который содержится в книге, можно бы составить не менее «афористического» портрет самого Грибоедова, надо лишь только отделить золотую крупу от малоценной породы.

Если расставить вехи на нелегком жизненном пути Александра Сергеевича Грибоедова из родовых Хмелет в Смоленской губернии до Тегерана, то по этому пути, видоизменяясь от страницы к странице, прой-

между прочим, торопливость Чацкого, о которой он горит желанием поведать Софье в самом начале комедии, ничуть не делает ему чести: попасть «с корабля на бал» буквально он не мог, так как в месяц его приезда ближние к Москве морские порты уже леденели и были закрыты, а чтобы вовремя успеть к софьинскому скромному празднику посуху, достаточно было бы выехать из Европы двумя днями раньше.

В общем, в книге Цимбаевой есть все о Грибоедове - не хватает лишь старой доброй инвентаризации, позволяющей отделить зерно от плевел. Эта задача - слишком упитанный телец, перекормленный слишком заботливым хозяином. ■